

Дорогу романшике!

В. ДРУЖИНИН

Я давно люблю К. Паустовского. Выход книги избранных его произведений очень порадовал меня. — Я перечитал знакомые повести и рассказы и взялся за перо не для того, чтобы писать рецензию. Хочется поделиться мыслями о романтическом стиле в нашей литературе. Разговор об этом накануне предстоящего съезда писателей, по-моему, очень нужен и актуален.

Да, товарищи! Речь идет именно о романтическом стиле. С самого начала предвзято возражения со стороны некоторых литераторов. Правда, никто уже, кажется, не отрицает революционный романтизм, как составную часть социалистического реализма, но определенно дается такое, что специфика вопроса исчезает почти. Например, Г. Абрамович в своем «Введении в литературоведение» полагает, что «революционный романтизм социалистических реалистов заключается в том, что они реалистически показывают ростки нового, существующие в настоящем». Только и всего? Уместно спросить: может ли советский писатель вообще пройти мимо ростков нового в жизни? Вспомните, как в них и показывали их — не есть ли это одна из основных задач нашей литературы? Кроме того, в крайних обих положениях, мы находим еще предостережения: «Некоторые думают, что революционный романтизм в социалистическом реализме предполагает изображение не того, что есть в настоящем, а того, что будет лишь впоследствии... Показывать не то, что есть, значит увлечь от жизни, приукрашивать ее, создавать надуманные образы».

Так и остается неясным, что же такое романтика. Тов. Абрамович рассуждает так, как будто существует некое противоречие между настоящим и будущим, действительным и желаемым. Но ведь это противоречие снято в нашу эпоху сознательного сознания будущего! Наме писателя, и мы можем, оставаясь на почве реальности, изображать желаемое, то, что будет впоследствии, показывая человека в том высшем мыслемом расцвете, который несет нам коммунизм. Впрочем, вряд ли нужно спорить о том, может ли быть в нашей литературе стиль по-преимуществу романтический. Такой стиль существует именно в рамках социалистического реализма.

Вернемся к Паустовскому. Не в осуждение ему буд сказано — герои его, если сравнить их с персонажами В. Азаева или В. Кетлинской, могут показаться приукрашенными. Знаюма вас с героем, Паустовский как бы спешит дать понять — перед вами человек самых ярких достоинств. Боец из рассказа «Стальное кольцо» дарит незнакомой девочке на полстанке перстень и говорит, что он «совершенно чудесный». Ну, разумеется, чудесный, как же может быть иначе у Паустовского? П. Варюна верит, что кольцо может показать ей широкий мир.

«Варюша думала было надеть перстень на указательный палец, чтобы повлиять белым светом на все его чудеса, но посмотрела на все эти цветы, на лиಕ್ಕೆ безразличные листочки, на ясное небо и жаркое солнце, почувствовала перекличку пугугов, зов воды, перебивание птиц над полями — и не надевала перстень на указательный палец».

Успешно, — подумала она. — Нигде на белом свете не может быть так хорошо, как у нас в Мухоме».

Кольцо — символ мечты человеческой. Прекрасная мечта, благомысленная, идущая вперед мечтатель — в центре произведений Паустовского. Таковы герои повести «Колыбель», ощущение тропическое болото, чтобы земля стала цветущим садом; таковы нескладки и добротки мирабизита в повести «Кара-Бугаз», строители Волгодона в повести «Рождение моря». Но не только в этом своеобразии романтического стиля Паустовского, а еще и в том, что осуществление мечты захватывает целиком все помыслы и действия героев. Всегда и во всем герой Паустовского руководствуется высшими побуждениями.

Очень показательна для творчества Паустовского «Северная повесть». С мечтой о счастье, о справедливости гибнут офицер Бестужев и солдат Тихонов, умирает отец

попал ее и победи. Читатель, благодарный Паустовскому за ветер Колыбды, за прохладу Балтики и сумрак лесных чащ Мещорской стороны, читатель, следивший с увлечением за эпизодами путешествия, открытый, не закончив на этих книгах круг чтения. У В. Каверина он не найдет такого лиризма, таких пейзажей, как у Паустовского, но зато соприкоснется с другими чувствами, с борьбой, более напряженной и жесточайшей. Сани Григорьев из романа «Два выжигана» противостоят не только тяжелые ды и нечестные волю, но и живой враг, несомненно побуждающий к лирической экзальтации, след которой имеет молодой полкарик. Сложными и неожиданными перекрестками сюжетными путями встречается враги и сталкиваются в непримиримой борьбе. Действие, несущее все черты романтической исключительности, высочайший моральный пример Сани Григорьева — все это завлекло книгу любовь читателей.

Об одной черте, о сложности сюжетных путей, хочется сказать больше. Но вине натуралистов, считающих сюжетным грехом остроту и сплетенность фабулы, работа над сюжетом у нас не всегда в чести. Между тем сложность сюжета выражает лишь реальную сложность жизненных отношений и сама по себе не имеет ничего специально романтического. Тем более эта личная сложность далека и от формалистических ухищрений, от понимания сюжета, как самоцели. Речь идет об особой исключительности сюжетных положений, о своеобразии поэзии совпадений, случайностей, отчаяний, скажем, роман В. Каверина. Так полуразбитые войной письма полярной экзальтации попадают в семью маленького Сани, а потом он, став юной, оказывается в школе, где преподает его будущий враг Татаринов — человек, погубивший экзальтацию. Такое построение сюжета помогает раскрыть исключительный характер героя, позволяет вести его путем наиболее трудных и невысказанных предостережений. А главный герой в произведении романтического стиля — это человек идеальных качеств, и, естественно, противостоят ему в жестоких схватках крайняя подлость, крайнее злодейство.

На примерах творчества Каверина и Паустовского видны и достижения и слабость нашей романтической прозы.

Подчеркиваю еще раз — романтической прозы в нашей литературе социалистического реализма. Ибо поэзия для писателей всех жанров и «почерков» — жизнь, ее конфликт, ее радости и трудности, ее мечты, ее сегодня и завтра. И не реализм противоречит романтике, а натурализм, который у нас нередко выливается за художественную правду, портит успех и писателя и читателя. Серый, полудный, слепой, как кот, натурализм проник даже в такую, по праву романтизм принадлежущую область, как приключенческая литература. Сколько у нас развелось сухих отчетов, вылаемых за повести о пограничниках, геологах, летчиках и людях других, столь же романтических профессий. Как часто сюжет заменяется цепочкой эпизодов с ясным, заранее благополучным завершением. Даже в целом удачные творения — например, «Конец осеннего гнева» Г. Бринцева, фильм «Застава в горах» — имеют недостатки именно этого рода. Иной раз слышишь: «Удивительная вещь материал! Незачем выдумывать!». Верно! Это кантуляющая поэзия, отказ от художественного обобщения, недопустимый ни в каком жанре. Надо гораздо смелее писать о смелых людях.

Нам нужны больше книг, изображающих наши самые возможности человеческой воли и разума, превращение мечты в действительность, торжество высочайшей доблести над величайшими препятствиями. Книги, в которых исключительность сюжетных обстоятельств раскрывает наиболее напряженную конфликт. И книга о будущем! О солнечном коммунистическом будущем, которое мы создаем. О человеке в его ярчайшем расцвете.

Таким, мне думается, смысл существования романтического стиля в нашей литературе. Шире ему дорога!

Идеальный герой нужен

Статья А. Протопоповой «Сила положительного героя» и полемика вокруг нее в статье в «Литературной газете» А. Белашвили «Герои реалистиче и герои приукрашенные» затронули меня, как читателя, жаждущего от советских писателей книг хороших и разных.

Можно не соглашаться с отдельными положениями статьи А. Протопоповой, но она подняла вопрос, который не может оставить равнодушным, — вопрос об идеальном герое.

А. Белашвили возмущается: как? Достичь в литературе положительного героя без отрицательных черт? Нет, говорит он, такого героя нельзя пустить в роман, ибо это будет лажированной действительности. Автор статьи доказывает, что, осуждая недостатки, присущие положительному герою, писатель тем самым показывает путь, следуя которому читатель изживет эти недостатки, если он, читатель, ими обладает.

А. Белашвили приводит в качестве хорошего положительного героя человека, который является передовиком в общественной жизни и в то же время в домашней жизни — тиран. Есть такие люди, надо о них писать, но только какие же это положительные герои?

«И, например, не могу себе представить советского офицера, который бы блестяще проиграл на службе, но недостаточно всею в быту и семье бы при этом за положительного человека. Эти недостатки отражены, обязательно отражены на его служебной, и отношении товарищей к нему изменится, а не будет разделяться на положительное — служебное и отрицательное — семейное».

«В нашей жизни много людей идеальных, безукоризненных во всех отношениях», — пишет А. Белашвили. Так почему же им не должно быть места в литературе?

Важнейший долг нашей литературы — помочь людям преодолеть отдельные отрицательные черты, помочь искоренить все отрицательное из нашей жизни. Но разве не долг советской художественной литературы — показать нашей молодежи героя, у которого нет отрицательных черт потому, что он, формируясь в условиях самого передового общественного строя, сумел изжить их! Создать образ идеального героя, который был бы примером для молодежи, с которым она шла бы на преодоление жизненных препятствий! Я убежден, что в этом случае читатель будет стараться по всемходить на покорный шаг его героя.

Герой, нужный молодежи, — это человек великой любви к Родине, гуманизма, удивительной веры в свои действительные возможности, трудом во имя счастья человечества. Такого героя требует А. Протопопова. Впрочем, сам тов. Белашвили утверждает, что «современный и великий герой советской литературы является образ героя-создателя, носителя высочайшей морали, стремящегося вперед, к новым и новым победам». Так почему же надо подмалывать этого героя черными красками? Для «контраста»?

В нашей классической литературе есть идеальные герои-революционеры, совсем не образующие черной краски. Они борются со злом, которое находится не в них самих, а порождено паразитическими классами. Назову Рахметова.

Довоенная советская литература дала нам положительных героев — Навла Коржанина. Он — не ходячий добродетель, он обладает отрицательными чертами, но Островский не выписывал их, а старался всеми силами подчеркнуть, какая жестокая борьба происходила в процессе роста простого рабочего парня во имя преодоления этих недостатков. И мы видим, что отрицательные черты положительного героя, а идеального героя, с образом которого люди шли в бой, зачинала все бесконечно дороге в нашей советской жизни, что позволило сформироваться Коржанину в тип идеального героя — нашего современника.

Идеализация и идеализм героя, то есть скрывание героического изображения молодежи, — вещи разные. Идеализация не нужна, а идеализм героя необходим.

Читатель Л. ДЯКОВСКИЙ

О малом внимании к большому делу

В 1838 году в знаменитой статье «Мотивы в роли Гамлета» Белинский назвал перевод «Гамлета» фактом, свидетельствующим о пробуждении в русском обществе внимания к язычному вообще и к литературе отечественной в особенности. Тогда же в «Сыне отечества» автор, укравший под инициалами А. М. (редактор «Сына отечества» был Н. Полевой), иронически вопрошал: «Стало быть перевод «Гамлета» Шекспира принадлежит к литературе отечественной? Как вы думаете?». Белинский отвечал: «...г. А. М. с неменьшим правдивостью удивляется тому, что я перевод «Гамлета» на русский язык отношу к русской, а не к китайской и не к санскритской литературе. Впрочем, и тут еще мало удивительного: может быть, г. А. М. и в самом деле не знает, что переводы на русский язык принадлежат к русской литературе, но странно, что и редакция «Сына отечества» думает об этом согласно с г. А. М.».

По собранию сочинений Белинского можно составить исчерпывающее представление о переводческой деятельности той эпохи и о всех переводческих проблемах, которые тогда волновали литературную общественность. Белинскому принадлежат десятки статей (или заметок в обзорных статьях) по вопросам перевода, сотни отдельных высказываний о работе переводчиков. Даже в кратких аннотациях он неизменно давал определенную и четкую оценку качества перевода: «перевод есть истинная кагорафия логики, грамматики и здравого смысла. Не выискиваю фраз, ибо не могу решить выбор». И парадокс в этом: «перевод... так хорош, что не к чему и приражать». Высший похвалой в устах Белинского было: переводчик сделал то или иное произведение достойным русской литературы. О переводах писали и Гоголь, и Некрасов, и Тургенев, и Штерн, и Чернышевский, и Добролюбов. Чернышевский говорил: «Огромную важность имеет у нас переводная литература». Горький был не только редактором переводов и организатором переводческого дела, — он неоднократно, во все периоды своей деятельности, выступал в печати с детальным разбором переводов.

Можно ли сегодня по нашей критике получить хотя бы приблизительное представление о состоянии переводческой практики? Ни в малейшей степени. Оной зарубежной переводной литературы, не говоря уже о переводах с языков народов Советского Союза, в наших издательствах ежегодно выходит сотни томов; к этому надо прибавить многочисленные публикации в периодической печати. Между тем число рецензий на зарубежную литературу не превышает нескольких десятков на всю периодику; что же касается до упомянутой о работе переводчиков, включая даже и самые большие, то они исчезают единичными. Серьезные разборы больших переводческих работ и прозы (как, например, статьи И. Камкина о переводе «Дон Жуана» Байрона и романов Льюиса) в журналах последних лет можно пересчитать по пальцам одной руки. Много чаще встречается в печати сигнал об очередной переводческой халтуре (далеко не о всей!). Называя конкретных виновников скандального происшествия, критика, однако, не поднимает принципиального вопроса, как могло получиться, что подобные факты переводческого брака повторяются снова и снова?

Сегодня мы особенно остро ощущаем слабость литературной критики в этой области именно потому, что сейчас внимание к вопросам перевода нужнее, чем когда бы то ни было. Расцвет советской культуры, все большее укрепление дружбы народов СССР, укрепление международных культурных связей как со странами народной демократии, так и с передовой культурой всех стран мира, — все эти великие значения нашего времени требуют постоянного расширения и углубления переводческой работы. Жизнь показывает, что профессия переводчика имеет большое будущее, что вперед больше и все растущие задачи, и поэтому следует настойчиво распространять опыт лучших, разбираться в ошибках и недостатках, воспитывать кадры.

А между тем сколько еще уничижительного преобретения к работе переводчика! Все еще мелькают на страницах нашей печати бапли, энграммы, пародии, вымышленные не тех, кто переводит плохо, а оглуляющие чернильные профессии переводчика. Последняя по времени такая энграмма принадлежит перу В. Массе и Мих. Чернышова («Комсомольская правда», 11 апреля 1954 года). Она названа «Выход из положения» и, в отличие от других, помещенных там же энграмм с определенным адресом, высмеивает некоего безымянного формалиста, нашего приближенца в переводе. Заканчивается она такой сомнительной авторской моралью: «Когда выходя из мы из моды, — нас выручают переводы».

История переводной русской литературы знает немало энграмм на плохие переводы (в том числе энграммы Крылова), немало уничтожающие язвительных отзывов и пародий (в том числе Белинского, Добролюбова, Мухомова), но мы не найдем среди них ни одной намеченной над трудом переводчика воиние. Можно было бы только приветствовать сатириков, выступающих против переводчиков-халтурщиков. Но беда в том, что они часто канонизируют взгляд на перевод даже не как на профессию второго сорта, а как на нечто, лежащее вне литературы, как на отходящий промиссел.

Такое объективное отношение к переводчикам могло возникнуть лишь вследствие неумения в вопросах перевода со стороны нашей критики: работа переводчика, в отличие от всех других областей советской литературы, остается без серьезной оценки, опыт не исследуется, новые явления не анализируются. Приведу несколько примеров. За последнее время появилось много переводов яркой и своеобразной поэзии Назыма Хикмета. Разные переводчики подходят к ней по-разному. Уж изданы на русском языке многие тысячи строк его поэзии, но нет ни одной строки о том, кто прав в этом творческом споре и как должна поэзия Назыма Хикмета звучать по-русски. Сколько горько о высоких качествах перевода «Коммунистов» Лут Арагона! Но одно заседание в секции переводчиков ЦСШ этой

Л И Т Е Р А Т У Р Н А Я Г А З Е Т А
№ 99 19 августа 1954 г.

В чем прав и в чем не прав В. Овечкин

В. Овечкин в статье «Поговорим о насущных нуждах литературы»

коснулся наиболее важного вопроса о разрыве между идейным смыслом, назначением искусства театра в нашей стране и теми организационно-хозяйственными формами, в которых это искусство у нас порой развивается. Навердя ли мы согласились бы, чтобы средства распространения культуры в нашей стране — библиотека, читальня, клуб — зависели от денежного дохода. Театр же, предназначенный для тех же культурных целей, — целиком в одних случаях и частично в других, — зависит именно от этого обстоятельства. П тут во весь рост встает проблема дотации, которую затронул В. Овечкин.

Но может ли идти речь о простом возвращении театров в тем формам иживизии, которые существовали еще лет шесть-семь тому назад? Убежден, что нет. Ведь система госдотаций, существовавшая прежде, зачастую сводилась к бесцельной трате денег, не приносящей никакой пользы театру. Нередко дело обставало так, что громоподобный театральным механизмом работало на холостом ходу: писатель писал, комитет разрешал, театр ставил, а зритель... его могло и заде и не быть.

Заранее оплаченные пьесы осуществлялись заранее оплаченным трудом режиссеров и артистов. Интересы зрителя, его отношение к театральному произведению оставались на заднем плане. «Не хватало — дадут!» — хвастливо заявляли иные театральные работники. Когда перестали «давать», каждый театальный коллектив стал решать вопрос своего существования самостоятельно. Тут некоторые шархулили в сторону быстрых и легких заработков, но выдержали испытание и нашли своего постоянного зрителя те коллективы, которые осуществляли в эти годы творческую репертурную политику, стремились найти собственное лицо.

Вкус нашего зрителя растет, у него громадная тяга к настоящему искусству, не раз мы являлись свидетелями того, как были биты сомнительные карты, выдаваемые делами в качестве козырей, и как привлекали зрителя пьесы, поставленные серьезно и глубоко.

предоставлять тем театрам, которые индустриальную, экспериментальную, которых

говорилось и писалось в печати. Однако известно ли кому-нибудь, как и в каких условиях, в каких темпах выписались наши спектакли — «В Лобкомбинате» Д. Давлатова, его же «Розник в ступице», «Печать доверия» Н. Архангельского? Мы не могли позволить себе ни одной недели лишних репетиций.

Ценность лучших пьес молодых авторов заключается в том, что им удается показать жизнь по-новому, свежо и непосредственно. И многие в пьесе поначалу бывают непонятны, но совсем ясно открываются тщательного объяснения, проб и повторений. Можно ли это сделать в условиях стандартно ограниченных репетиций? Конечно, нет. Поэтому нередко приходится делать только эскиз сцены с тем, чтобы продолжать работать над ней в течение спектакля, уже идущих на публике.

Вот начало пьесы «Печать доверия». На сцене восемь врачей — старые, молодые, среднего возраста. Среди них и равнодушно скептик, ремесленник, и молодой талантливый врач, ветеранный к рутине; есть люди отчаявшиеся, озлобленные. Диалог реальный, затрагиваются различные темы, переплетаются судьбы. Во всем этом у автора есть единство идейного замысла, но как трудно было его вывить! И с болью в душе я прожил эту сцену в спектакле незрелищной, лишней необходимой рутинной новизны пьесы, а ведь в интересах зрителя, в интересах нашей драматургии — выдвигать молодых писателей, поддерживать их авторитет.

Театр, систематически выносящий свою долю в общей флоре развития современной драматургии, должен иметь необходимые условия для работы, и правильно понимая В. Овечкина вопрос о дотациях следует решать в соответствии с учетом всегоного, что зает нам практика жизни советского театрального искусства. Дело не в том, чтобы все театры перешли на дотацию, это неправильно и не нужно. Но систему дотаций надо применять более гибко, дифференцированно. Государственную помощь в первую очередь надо

В. ГАЛИЦИЙ,
главный режиссер Тамбовского областного театра имени Луначарского

Почему он гениален

Мартин Роза Бехер — девятилетний мальчик. Тем не менее вполне зрелое швейцарское издательство «Напайон Фелла» опубликовало сборник его стихотворений «Das wäre Leben», что означает в переводе «Настоящая жизнь».

Три года назад, когда Мартину было шесть лет, его произведения были опубликованы в Вене. Великолепный критик Александр Фрей посвятил малолетнему поэту восторженную статью в базельской газете «Национальцйтунг». И вот теперь творчеством Мартина Бехера заинтересовался западногерманский журнал «Дер шингль».

Статью о Мартине Бехере литературные люди из «Дер шингль» начинают с заявления о том, что он, мол, не «спундеркинд»... Уже из одного этого можно заключить: эти дети — весьма опытные в деле рекламы люди. Ведь хорошо известно, что широкая публика скорее с состраданием, нежели с восхищением, относится к «спундеркиндам», одаренным детям, которых в капиталистическом обществе жалко до невыносимости.

В статье о юном литераторе восторженно подчеркивается его непосредственность. Стихи он пишет, уверяет журнал, не потому, что его заставляют, а потому, что на него нападает «страсть к сочинительству».

Кроме того, по словам «Дер шингль», Мартин Бехер не подражает профессиональным писателям, а пишет совершенно оригинально. И еще один великолепный штрих: оказывается, гонорар он велит тратить по своему усмотрению. Родичи юного поэта не отнимают у него денги и не кладут их на свой текущий счет...

Во всех этих рассуждениях нам должно стать ясно, что в лице Мартина Бехера мы имеем дело не с питомцем бизнеса, а с вольным летчиком муз.

Чем же прославился это детское муз? Стихами и прозой, отвечает «Дер шингль». И дабы у читателя не оставалось сомнений в том вкладе, который девятилетний «самородок» внес в ультра-современную литературу капиталистического мира, журнал цитирует и стихи и прозу Мартина Бехера.

От стихотворения, которое западногерманские ценители искусства рекомендуют в качестве «шедевра». Оно озаглавлено: «Политика летит на небо». После того как слово упало на землю, говорится в нем, поэзия кричала. «Но когда появилась поэзия, то все уже давно было стертая. Только поэзия еще оставалась здесь. Тогда политические отправились на небо...»

Заключительная строфа стихотворения звучит так:

Но с большим удивлением
Моя дорогая увидела все же,
Что на звездах снова появились люди,
Хотя они и были все полицейскими.

Не следует думать, что наш перевод не передает, как сказать, своеобразия подлинника. В стихах Мартина Бехера нет ни ритма, ни рифм, ни элементарного смысла. На всех языках этот набор слов звучит одинаково «своеобразно»!

А вот образцы прозаических опусов Мартина Бехера. Один из них называется «Ночью». Ночью родители отправились на бал-маскарад, одетые в костюмы разбойников. Ганс остался дома. Он боялся разбойников, и когда родители в четыре часа ночи проснулись тихо домой, чтобы его не проснулись (но он не спал от страха), он подумал, что это разбойники, и кинул в лицо отцу бутылку.

Мораль «произведения» заключена в последнем абзаце: «Сегодня он (Ганс, отсутствующий в отце бутылкой) не должен идти в школу, так как его родители слишком болны для того, чтобы отдавать приказание».

Другой опус, приведенный журналом «Дер шингль», — «Спокойная собака». «Собака гуляла по улицам и была слышком спокойной для того, чтобы лаять хотя бы звук. Иногда она останавливалась и напавалась доньяна. Хозяин хотел про-

как только вы построите первый дом, он сразу обантит перед вами бедную причиненного вам войной разрушения. И тогда вы увидите, как много работы ждет вас... дороги, мосты, электростанции, заводы, больницы. Чего ни коснется вы, все будет казаться первоочередным, обязательным. Притупитесь смел! У вас много истинных друзей: испытанных, верных, опытных, знающих. Советский Союз и народный Китай поддержат вас. Вы можете смело рассчитывать и на нас — все мы станем в ряд борцов за ваше восстановление. Вы не одиноки! Там, где человек увел окрыл рабства и угнетения, где освобожденный человек найдет поле и возводит дом, — там не будет недостатка в сынах свободы. Мы — с вами!..»

Зачитники мира пересчитывают сейчас месяцы борьбы, как ступени, по которым они поднимаются к свободе. Это были месяцы и годы напряженной воли, самоотверженного мужества и политической зрелости. Сегодня это сокровищница, из которой можно черпать бесценный опыт.

И хотя мир наступил, хотя прошло много дней, мы должны попрежнему бороться. За океаном империализм не оставил своих планов развязать большую войну в Азии. Не прекращается злоедеяние в создании агрессивного блока для Юго-Восточной Азии. Враги мира, вопреки Женевским соглашениям, рассчитывают превратить Южный Вьетнам, Кхмер, Патет-Лао в военный плацдарм против сил демократии и прогресса в Азии. Мир, наступивший во Вьетнаме, нужно беречь, как зеницу ока!

Войцех ЖУКРОВСКИЙ,
польский писатель,
ВАРШАВА, август.

Главный редактор Б. РЮРИКОВ.
Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСОЛАПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

Разрыв бывшего главы западногерманского «светского» охрана конституции»-д-ра Отто Иона с правящими бюрократическими кругами и его решительное намерение найти убежище в Германской Демократической Республике вызвали, как известно, бурю смятения и растерянности в окружении Аденауэра и в руководящих кругах США.

Начались лихорадочные поиски выхода из скандально-трудного положения.

После провала неуклюжих и жалких попыток бюрократических властей объявить Иона попеременно то «самодвижителем», то «двигателем», его — по намовлению дирижерской палочки — единолично окрестили «продавцом» и начали начисто опровергать каждое его утверждение и разоблачать.

Отто Ион, к примеру, заявил, отвечая на вопросы немецких и иностранных журналистов, что «в ходе реинтеграции организации Гелена, естественно, играет решающую роль». В высшей степени интересное заявление; оно показывает, каково истинное лицо вермахта, если в его создании руководящую роль играет шпионско-бандитская шайка Гелена, возглавляемая гитлеровцами и целиком подчиненная США.

Нетрудно понять, какой «шквал опровержений» вызывает подобное разоблачительное утверждение. Но вот номер американского журнала «Ньюсвик». В статье, посвященной реинтеграции Западной Германии, журнал откладывает должное таким «старым военным-профессионалам», как Век, Шверин, Шнейдель, Кривель и особенно Хойзингер, «работавший над планом реинтеграции с 1950 года, когда она началась» (подчеркнуто нами. — Ред.).

Весьма знаменательное признание, сделанное, так сказать, мимоходом, поскольку! Однако «единственным дядюшкой» в отношении немцы могли начать восстановление, журнал считает организацию Гелена, «сделавшая, обладающая восточным опытом». Его шайка имеет, по удовлетворенному признанию «Ньюсвик», «агентуру и связи в Западной Европе, на Балканах, на Ближнем и Среднем Востоке» и вообще располагает во всем мире «ценными кадрами».

Что можно после этого противопоставить утверждению д-ра Иона, если только не заниматься игрой красными картами?

Характеризуя невинномысленно внутриполитическую обстановку в «свободной республике», Ион говорит об установлении всеобщей слежки и образно поясняет: «Каждый следит за каждым». Легко понять, что и эта констатация факта способна привести в ярость как Аденауэра и его хозяев, старших выдать свою бюрократию вотчину за «партию демократии».

Но вот что мы читаем в западногерманской газете «Вестфалише Рундschau», посвятившей статью Иону в будничестве: «Депутатам и публике стало ясно, что они окружены превеликим множеством агентов, шпионов, лазутчиков и занесены в тайную картотеку». Другая западногерманская газета — «Франкфуртер Рундschau» выражается по тому же поводу еще определеннее: «Именно все эти досые с материалами о друзьях и врагах, о частной жизни всех и каждого как раз, по нашему мнению, и свидетельствуют о наличии самой явной угрозы элементарным правам человека... Геммеры и гейдрихи, риббентропы и геббельсы прибегают точно к таким же методам против всех тех, кто был с ними не согласен... Речь идет о защите государства и конституции, а не деле заботятся всего лишь о существующем правительстве, то есть о самих себе».

Вряд ли можно найти более достоверное подтверждение слов Отто Иона, если бы они действительно нуждались в подтверждении!

Прогрессивный американский журналист Бруно Фрей совершил недавно поездку по Западной Германии. Его первая корреспонденция «В логове свавицистства» была опубликована в «Литературной газете» от 14 августа с. г.

Особенно пристрастие питают в Бонне — с огадкой на приношение недовольные зарубежные страны — к бесогонимым названиям, которыми маскируются организации, призванные служить возрождению нацизма и милитаризма. Так, под вывеской общества по изучению социальных проблем скрывается подпольная в Рейнской области террористический центр, против которого даже пришлось возбудить в прошлом году преследование за подготовку к убийству.

Отто Ленц хотел и хочет координировать — своими силами, унифицировать — деятельность всех этих грязных организаций и учреждений, связанных между собой множеством невидимых, переплетающихся нитей.

Они там об этой минуте! Сколько надежд связывали с ней! Вьетнамский народ прошел изумительный путь, освещенный таким героизмом, перед которым можно только склонить голову. Да, они выстрадали, завоевали право на мир, выдержали все испытания!

Ночи безоружным девять лет назад, 19 августа 1945 года, вьетнамский народ начал борьбу против японских захватчиков и французских колонизаторов. Мужественные патриоты сражались, вера в справедливость своего дела. В джунглях, затянутах ядовитыми испарениями, дрожалими от малярии пальмами они пересчитывали патроны для нового боя. Скрипяли бамбуковые шесты под грузом потных, излучающих жаром тел. Вода в реках, переходимых вброд бесконечно.

Враг сыпал бомбы, гремел танками на дорогах. Вылали крыши мирных жилищ, на рисовых полях падали убитые с самолетов крестьянки и дети, плачущие из поля становилась чурым от пролитой крови мирных людей... Но силы свободного народа росли со скачкообразной быстротой. Вьетнамское алое знамя с золотой звездой символизировало прогресс. Когда отогнали врага и утихала канонада, начиналась поголовная учеба — люди постигали основы чтения и письма, учились распознавать скрытого врага, делились патронами и рисом. Борьба за свободу бы-

ла одновременно и борьбой против феодального угнетения, голода и темноты, борьбой за мирную жизнь.

Я вспоминаю свою встречу с генералом Во Нгуен Запаком, командующим вьетнамскими войсками. Невысокий, худощавый, с подвижным лицом и легкими жестами, он выглядел значительно моложе своих лет.

Приветствую вас, дорогие друзья, на вьетнамской земле! И прежде всего хочу сказать: да здравствует мир! — поздравляю вас, неосторожно и задумчиво произнес он.

Буду безмерно счастлив, — просто и искренно продолжал генерал, — когда мы сможем, наконец, поставить наши винтовки в угол и забыть о них... Нам всем, — он по-казал на окружающих, — хотелось бы поскорее закончить войну. Голы уходят безвозвратно, эти молодые люди могли бы уже давно закончить свое образование и заняться восстановлением разрушенных городов и селений, изучением новых и реконструкцией старых заводов и фабрик... Если бы вы только знали, как всем нам хочется жить в мире и покое — свободными, счастливыми гражданами мирного государства!..

Мир!.. Сколько раз говорил мы там об этой минуте, когда прекратится смертоносный огонь! Мы сидели на корточках под крышей из пальмовых листьев, и я слышал, как мои вьетнамские друзья мечтали вслух об этой минуте... Теперь эти мечты стали явью!

Как часто говорили там: «Когда наступит мир...». И вот он наступил. Действительно, на землю Вьетнама пришел мир. Каждый солдат был там недавно похож на стрелу, положенную на туго натянутую тетиву лука. Теперь можно распрямиться, отдохнуть... Я знаю многих молодых партизан. Я слышал, как они говорили своим землякам: «Мы поженимся, когда закончится эта война, когда наступит мир. И не хочу оставлять тебя вдовой...». Теперь радость покоя соединит их в супружестве, в борьбе за счастье.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

Если будет создано «европейское оборонительное общество»... Так будут решаться дела.

Рисунки художника Миттельберга из французской газеты «Юманите»

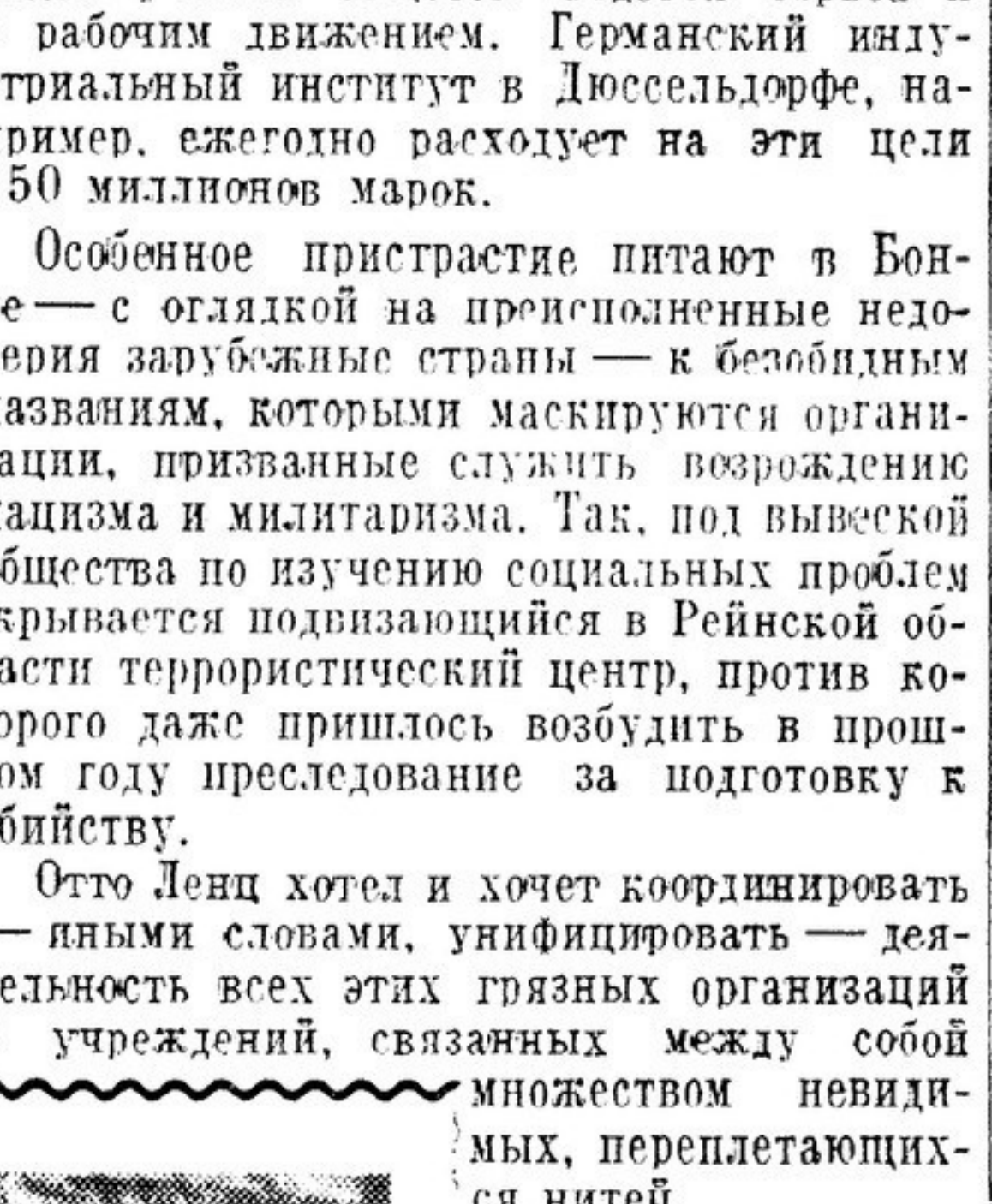
Бонна. Оно называется «срабочим товариществом демократических кругов», а председатель его не кто иной, как сам Отто Ленц. Если политическая тем, что делают сейчас некоторые офицеры гитлеровского вермахта, то во многих случаях выясняется, что они отдали все силы изучению «демократии» в этом «срабочем товариществе».

Гитлеровский инат, командир подпольной дочки Отто Кречмар, получивший от Гитлера в награду за свои разбойничьи подвиги на море дубовые листья и мечи к «рыцарскому кресту», числится, например, референтом в ленинском «срабочем товариществе демократических кругов».

Таков Бонн неофициальный. Но существует еще и официальный Бонн. Во время моей поездки мне представилась возможность услышать выступления четырех министров федеральной республики — Аденауэра, Делера, Зебома и Байера. Аденауэру присутию рафинированность и возращение прожженного политика старой школы. Делер говорит по-профессионаски одухотворенно — для образованного среднего слоя.

Зебом любит дерзко-патетические интонации, Байер в своих речах сух и резок — реваншизм нужна и грубая сила. Одно, однако, объединяет всех этих министров-ораторов: преданность великогерманской, то есть реваншистской, миссии.

Официальный Бонн представляют следующие:

Плоды милитаризации. Нет, синора, масло все кончилось! Но, если хотите, я могу предложить вам чудесный динамит.

Рисунки из итальянского журнала «Лаворо»

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И-51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, разделы: литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней связи — К 4-08-89, К 4-72-88, международной связи — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутар — К 5-00-00.

Тригография «Литературной газеты», Москва И-51, Цветной бульвар, 30.